

ГЛАВА 3. ВЕЧЕР ВОСПОМИНАНИЙ

— Оги-кун! Оги-кун!

Заслышав крик, Такая и Юзуру обернулись. Им навстречу бежала Морино Саори в коротенькой спортивной юбке. Учебный день подошёл к концу, и друзья как раз направлялись к воротам, когда девушка заметила их с теннисного корта.

— Как твоя память? Вернулась уже?

— По-твоему, это так просто?

— Не будь буквой! Все за него волнуются, а он...

— Скорее развлекаются за мой счёт.

Юзуру тихонько хмыкнул. Жизнь в школе Дзёхоку всё ещё была ключом: кто-то спешил домой, кто-то — на занятия в кружок или секцию. Под непрерывные нотации Саори ребята дошли до ворот.

— Ты меня слушаешь, Оги-кун?!

— Я всё понял! У тебя вроде тренировка? Вот и... — Такая замолк на полуслове. Его взгляд привлёк необычный персонаж.

— Ты чего?

У ворот стояла незнакомая девушка в белой приталенной куртке и чёрных джинсах, настолько красивая, что все спешащие домой ученики невольно поворачивали головы. Стройные ноги и копна длинных выющихся волос сразу обращали на себя внимание. По виду студентка — она, похоже, кого-то ждала.

Такая застыл как вкопанный. Рядом со студенткой стоял голубой мотоцикл, показавшийся ему знакомым, а под мышкой девушка держала закрытый мотошлем с голубой полоской.

«Чтоб я сдох!»

При виде него девушка мгновенно оживилась:

— Привет, дорогой! — и с улыбкой помахала рукой.

— Ты... ты... та самая...

— Спасибо за интересное утро.

Такая остолбенел, глядя на недавнюю соперницу по гонке. Ни Юзуру, ни Саори, естественно, ничего не понимали.

— Такая, это кто?

— Это та чёртова баба на мотоцикле!

— Чёртова баба? Фу, какой грубиян.

— Кто бы говорил! За каким лешим ты сюда притащилась?!

— Ну зачем так кричать? — Девушка тряхнула волосами. — Я пропускаю занятия, приезжаю... Мог бы хоть спасибо сказать, Такая-кун.

Такая опешил: «Она знает моё имя?»

— А насчёт сегодняшнего... Я просто хотела тебя испытать: слышала, что ты едешь на мотоцикле. Но тебе ещё учиться и учиться. Кто ж так выворачивает руль при резком торможении? Неудивительно, что тебя вышибло из седла. Чему тебя только на курсах учили?

— Откуда ты меня знаешь?

Девушка округлила глаза:

— Ах да... Ты же нас не помнишь, как мне сказали.

— Что?

— И как он тебя только нашёл? Сама бы я ни за что не догадалась. Поверить не могу — старшеклассник... — Девушка оглядела растерянного Такаю с ног до головы и одобительно покивала. — Недурно. Жаль, конечно, что ты младше меня, но в остальном — очень даже в моём вкусе. На этот раз.

— погоди, я ничего не понимаю. Ты кто?

Бросив на него короткий взгляд, незнакомка обворожительно улыбнулась:

— Может, уже поздороваемся по-настоящему, Кагэтора?

Такая судорожно вдохнул. Эта девушка его знала!

— Что же он так долго? — сказала незнакомка, сверившись с наручными часами. — До-

говаривались же на три.

— Слушай, ты кто?!

— Он уже должен быть здесь. А!

Как по волшебству, рядом с ними плавно затормозила машина, и не какая-нибудь: на тёмно-синем капоте огромного автомобиля поблёскивал значок «Мерседес-Бенц» — знаменитый символ высокого статуса.

«Ух ты! Пятьсот шестидесятый!»

Открылась водительская дверь, и глазам ошеломлённых подростков предстал мужчина в чёрном костюме и тёмных очках, что в совокупности придавало ему очень криминальный вид.

Такая вмиг напрягся: «Бандюган!» Но девушка рядом с ним радостно воскликнула:

— Привет, Наоэ!

Вышедший из «мерседеса» мужчина снял очки и подошёл к ним с улыбкой на лице, которое было Такае хорошо знакомо.

— Давно не виделись, Такая-сан.

Саори за спиной у Юзуру пустилась в пляс при виде Наоэ Нобуцуны, а Такая устало выдохнул, чувствуя себя как выжатый лимон.

— Что-то не так? — спросил Наоэ.

— Твоя идея?

— Простите?

— Я про неё!

— Наоэ, как жизнь? — полным энтузиазма голосом спросила девушка.

— Быстро же ты приехала, Харуиэ.

— А ты, я смотрю, становишься всё консервативнее.

Заметив Саори и Юзуру, Наоэ приветливо улыбнулся и им:

— Барышня, Юзуру-сан, здравствуйте.

Юзуру, спохватившись, поздоровался, а Саори запищала от удовольствия: «Он назвал меня барышней! Барышней!..»

— Ладно, — Такая всё сильнее сжимал лоб, — может, познакомишь меня уже с этой девицей?

— Девицей? — возмутилась девушка. — Ты как со старшими разговариваешь?

— Перестань, Харуиэ, — осадил её Наоэ. Девушка подбоченилась и выпятила грудь.

— Я и сама могу представиться. Кадоваки Аяко, в прошлом — Какизаки Харуиэ, наследник Какизаки Кагэиэ, вассала господина Кэнсина.

— Это наш товарищ, Кагэтора-сама, — тихо пояснил Наоэ, когда Такая вытаращил глаза, — ещё один перерождённый на службе у господина Кэнсина.

— Харуиэ? Но это мужское имя... Ё-моё! Ты что, получается...

— Нет! Сейчас я стопроцентная женщина! — обиделась Аяко. — Это ж надо было такое подумать! Уже больше двухсот лет, как женщина! Пойди найди более женственную женщину, чем я!

Такая вопрошающе посмотрел на Наоэ.

— Я же вам рассказывал, что мы заимствуем тела. Пол не имеет значения. Мы можем переродиться как в мужчину, так и в женщину.

— Серьёзно?

— Поговорим об этом позже, — не стал распространяться Наоэ, памятуя о Юзуру и Саори, и уже совсем другим тоном спросил: — Кстати, вы свободны сегодня вечером? Предлагаю где-нибудь посидеть и отметить встречу.

— Отметить? Угощаешь, что ли?

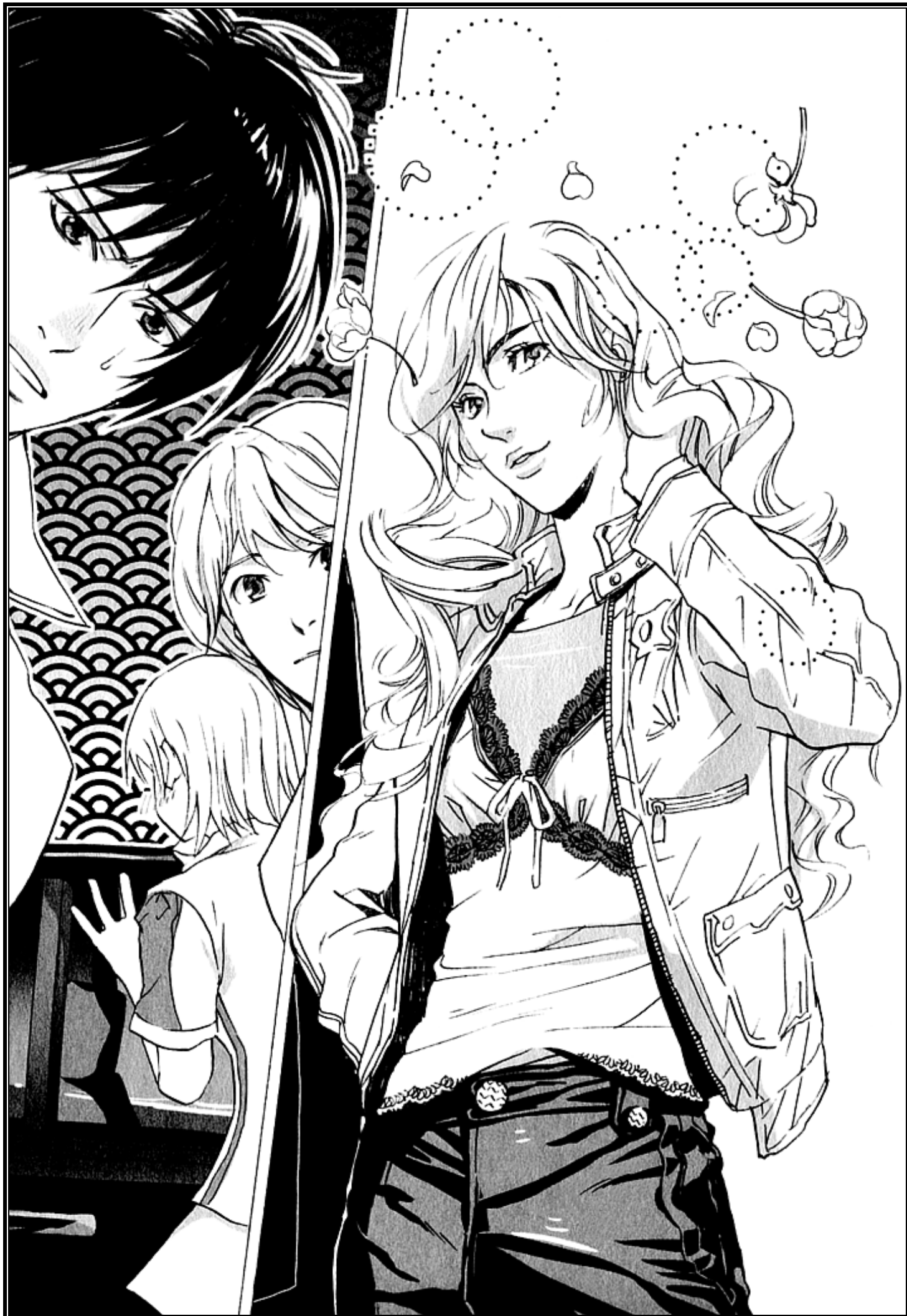
— Есть такая мысль.

Немного подумав, Такая ответил:

— Почему бы и не поучаствовать во встрече выпускников.

— Значит, решено, — рассмеялся Наоэ.

Тем временем Аяко, Саори и Юзуру с детской непосредственностью крутились вокруг «мерседеса». «Обалдеть! Пятьсот шестидесятый! Поверить не могу!» — «Шикарная тачка! И правда большая!»

Не переставая изумляться поведению друзей, Такая посмотрела на Наоэ:

- Разве в прошлый раз у тебя был не «Ниссан-Цефино»?
- «Ниссан» у нас третья машина. Просто сегодня свободна была только одна.
- Продажный монах. А вторая какая? Если скажешь «порше», я тебе врежу.
- «Феррари».

Такая от злости стиснул кулаки. Вдруг Наоэ посмотрел в сторону школы, словно что-то там привлекло его внимание.

— Ты чего?

Наоэ промолчал и какое-то время пристально вглядывался в школьное здание, а потом резко прищурился.

«С каких пор тут это происходит?»

- Наоэ? — неуверенно позвал Такая.
- У вас в школе ничего не случилось? — Наоэ не отрываясь смотрел на корпуса.
- А что там, что-то есть? — забеспокоился Такая, тоже оборачиваясь.
- Ничего. Идёмте.

Мужчина тут же отвернулся, но затем вновь с мрачным видом посмотрел через плечо: «Неужели никто не замечает странностей?»

Школу Дзёхоку окружал незримый ледяной барьер из застарелой потусторонней злобы — и Наоэ догадывался, что это такое.

* * *

С наступлением вечера Такая в компании Наоэ и Аяко отправился в город.

— За встречу! — радостно провозгласила Аяко, и все дружно чокнулись.

Они сидели в одном из баров увеселительного квартала, известном своими басаси, — Такая выбрал его, потому что Аяко сразу громко заявила, что хочет их попробовать.

Опустошив в несколько глотков полную кружку пива, девушка громко рассмеялась:

— Пиво всё-таки классная вещь!

Их столик находился в самом углу переполненного зала. Здесь были и шумные студенческие компании, и офисные служащие, зашедшие перекусить после работы. Со стороны их трио смотрелось, наверно, любопытно: студентка, старшеклассник и облачённый в чёрный костюм мужчина сомнительного рода деятельности.

Такая с отвращением взглянул на свой стакан, наполненный апельсиновым соком, и недовольно повернулся к сидящему рядом Наоэ:

- Почему только у меня сок?
- Потому что вы ещё несовершеннолетний.
- Да ладно, чуть-чуть можно.
- Нельзя.
- Блин, тебя послушать, мне уже чёртова уйма лет. Значит, я имею право пить!
- Дело не в душе, а в теле. Алкоголь вреден для растущего организма.
- Хватит занудствовать! — прервала их Аяко с пивной бутылкой в руке. — Плюнь на него, Кагэтора! Давай выпьем. Напьёмся сегодня вдрызг. Официант! Горячего сакэ!
- Эй... Ты это... в порядке?

Девушка зловеще рассмеялась:

- Всё под контролем. Вечер только начинается. Ну же, налей!..
- Куда ты столько льёшь?!
- Что может быть вкуснее сакэ в компании красивого мужчины?

Закатив глаза, Такая отодвинул в сторону кружку, которую всунула ему Аяко.

- Только не говорите, что вы решили задержаться в Мацумото.
- Уже разместились в гостинице.
- И что вам понадобилось на этот раз?
- Лично я приехала поесть басаси, Наоэ обещал угостить. Всё-таки знаменитое блюдо нужно есть на его родине.

— Ты тоже ради басаси приехал?

— В прошлый раз попробовать так и не получилось, — с улыбкой ответил Наоэ, сжимая пивную кружку в руке.

— Да уж, я помню, чем ты в прошлый раз занимался. Вокзал разрушен, дома разрушены, город в руинах — замучились восстанавливать.

— Представляю. Но я и сам не ожидал такого размаха.

— Это вы про ту заварушку? — подала голос Аяко. — Нет, ну где справедливость? Я там, понимаешь, одна разбиралась с генералами Имагавы, а они тут развлекались по-крупному. Ловко вы меня обскакали.

— А-а, — понял Такая, — так это тебя Наоэ ждал. Специалист по экзорцизму?

— Бинго!

— Ну и слава богу, что не приехала.

— Что ты сказал?!

Наоэ в одиночку поглощал басаси, наблюдая за их препирательствами.

— Так что там в Суруге, Харуиэ?

— Если ты про Имагаву, то он сдался на милость Оды.

— Что?

— История, так сказать, повторяется. Переиграть Окэхадзаму¹ у Имагавы Ёсимото не получилось. — Аяко вздохнула и подпёрла щёку рукой. — Несмотря на всю его ненависть к Оде, в смысле силы его духам просто нечего было противопоставить армии Нобунаги. Пойдёт в подчинение, похоже.

— Вот как...

— А что с Сингэном стало? — вклинился в разговор Такая.

— Выясняем. Рано или поздно он снова где-нибудь возродится, Косака ведь с ним.

— Косака — придурок! Не ожидала от него такой подлянки. Воскресить Сингэна, чтобы нам ещё и с этим разбираться? Как будто нам и так делать нечего!

— Ты про Усобицу Духов?

— Про что же ещё... Но как здорово всё-таки, что ты нашёлся! Прямо свет забрезжил в конце тоннеля.

— Найдём Сингэна и скажем ему спасибо? — улыбнулся Наоэ, не переставая работать палочками.

— Да ты что! Я скорее сдохну!

Принесли горячее сакэ.

— Ура! Что за басаси без сакэ! Пей, Кагэтора, сегодня больше ни слова о делах, гуляем до утра!

— А ты не слишком разошлась, подруга? А-а, не лей сакэ мне в кружку!

— За тебя, Кагэтора-кун!

— С ней точно всё в порядке?

— Что ты как неродной? Поддержи компанию! Официант, ещё!..

— Серьёзно?!

В конце концов Такае ничего не оставалось, как поддаться радостному настроению Аяко. Под неоновыми огнями квартала развлечения необычная «встреча выпускников» набирала обороты.

* * *

Из бара они вышли уже после десяти и под порывами ночного ветра направились в сторону гостиницы.

— Эй, не отходи от нас далеко! Куда тебя понесло?

Вконец опьяневшая Аяко широкими шагами продвигалась вперёд, горланя весёлую пе-

¹ Битва при Окэхадзаме (12.06.1560) — битва между армиями Имагавы Ёсимото и Оды Нобунаги, победа в которой осталась за последним. Сам Имагава Ёсимото в этом сражении расстался с жизнью.

сенку из мультфильма. Такая с беспокойством следил за её пошатывающейся фигурой.

— Её же совсем развезло, — устало буркнул он, обращаясь к Наоэ. — И ты тоже! Мог бы попридержать её, вместо того чтобы смотреть и смеяться.

— Бесплезно. Она всегда любила выпить.

— Что-о?! — Аяко резко развернулась посреди пешеходной дорожки, глядя на них пьяными глазами. — Это что за претензии? Тоже мне, мужчины! Зайдём ещё в один бар!

Такая аж крякнул.

— Ну же, давайте вместе! Ля-ля-ля! — Сделав шаг, девушка вдруг оступилась и, не удержав равновесия, уселась на дорогу.

— Так я и знал! — Такая схватился за лоб и кинулся ей на выручку. — Вставай давай, держись за меня. Кто так пьёт? Тебя же ноги не держат.

Поддерживаемая Такаей, Аяко снова двинулась вперёд. Наоэ молча смотрел им вслед с печальной улыбкой.

* * *

Они наконец добрались до привокзальной гостиницы, где остановились Наоэ и Аяко.

— Я схожу за ключом, подождите меня у двери. Пятсот второй номер, — сказал Наоэ и направился на второй этаж к стойке администратора. Аяко ехала теперь у Такаи на закорках, но даже в полусонном состоянии продолжала напевать.

— Не спи, уже почти пришли.

Аяко промямлила в ответ что-то нечленораздельное.

Такая вошёл в лифт со своей ношей и вскоре (ценой титанических усилий) был на месте. Он опустил Аяко на пол, и девушка тут же сползла вниз, усевшись на корточки перед дверью.

— М-да, только познакомились, и уже успела сесть на шею и ноги свесить. — Такая со вздохом хлопнул себя по плечу. — Хотя красотке простительно. Но будешь так каждый раз напиваться до беспамятства — нарвёшься на какого-нибудь извращенца.

— Кагэтора... — Обхватив колени руками, Аяко уже почти спала.

— Ну чего?

— ...не... — Девушка пыталась что-то сказать в полудрёме.

— Что?

— Не бросай нас... пожалуйста... — пробормотала она, свернувшись калачиком, точно ребёнок.

Такая посмотрел на неё странным взглядом, помолчал немного и тихо сказал:

— ...Не брошу.

Аяко слегка повернула голову.

— Хорошо... — улыбнулась она, не открывая глаз, и, глубоко вздохнув, провалилась в сон. Такая продолжал смотреть на неё сверху вниз, слегка прикрыв веки.

«Это действительно я?..»

В устланном ковром коридоре играла тихая музыка. Кроме них с Аяко на всём этаже никого не было. Такая стоял и не двигался.

«Я...»

Приехал лифт, из него вышел Наоэ с ключом от номера. Взглянув на прикорнувшую у двери Аяко, он сказал:

— Уснула?

— А?.. Да, — обернувшись, Такая заметил на губах Наоэ мягкую улыбку.

— Она неисправима. Цены бы ей не было, если б не эта привычка.

Такая вновь посмотрел на Аяко.

— Могу себе представить, как она вам обрадовалась. Ей тоже, наверно, захотелось праздника.

— Наоэ...

Отворив дверь, мужчина взял Аяко на руки. В освещённой комнате оказалось идеально чисто, но немного зябко от включённого кондиционера. Осторожно положив Аяко на ближай-

шую кровать, Наоэ пару минут всматривался в незащитное лицо спящей девушки.

— Возможно, она тоже устала, — тихо проговорил он, дождавшись, когда Такая поравняется с ним. — Харуиэ ведь не просто так каждый раз перерождается женщиной, на то есть своя причина.

— Причина?

— Да, — мужчина укрыл Аяко одеялом, — она ждёт. Ждёт, когда её прежний возлюбленный, который умер двести лет назад, вновь родится и появится на её жизненном пути. ...Я восхищаюсь ею. — Наоэ слегка прикрыл глаза. — Хотя, казалось бы, давно пора понять: любовь, страсть — какой бы пламенной она ни была, — это не более чем мимолётная иллюзия.

— Наоэ...

— Простите, что задержали вас допоздна, — сказал тот, поворачиваясь к Такае. — Я прошу портье вызвать такси.

— Что? Нет, — Такая помялся, подбирая слова, — я хотел поговорить с тобой. Мне нужно о многом спросить.

Такая впервые выразил желание пообщаться, и Наоэ, судя по взгляду, этого не ожидал. Немного поразмыслив, мужчина посмотрел на стоявшие рядом с кроватью часы.

— Думаю, ресторан наверху ещё открыт. Дома не будут волноваться?

— Некому там за меня волноваться.

— Вот как? — Наоэ взял ключи. — Тогда продолжим наш вечер.

* * *

Из окон ресторана на верхнем этаже открывался вид на ночной Мацумото. На каждом столике горела свеча, что создавало в полутёмном зале умиротворяющую атмосферу. Был поздний вечер рабочего дня — видимо, поэтому посетителей здесь оказалось немного.

Они разместились у барной стойки.

— Виски и какой-нибудь лёгкий коктейль.

— А это ничего?

— Ничего, вы в сопровождении взрослого.

Средних лет бармен, приняв заказ, потянулся к шейкеру. Такаю и Наоэ разделяло рыжеватое мерцание свечи.

— Вспомнили что-нибудь за это время?

Такая отрицательно покачал головой:

— Нет. И даже та странная сила куда-то исчезла. — Он облокотился на стойку. — Я много думал об этом. Я не могу быть Кагэторой.

— Почему вам так кажется?

— Не знаю. Просто если вернулась сила, то и память должна была вернуться? А у меня ничего.

Наоэ улыбнулся:

— Тогда откуда у вас взялась сила в тот раз?

— Ну, — Такая скривил губы, — может, я хорошо вжился в роль, как ты и просил. А настоящий Кагэтора вдруг возьмёт и появится однажды.

Бармен поставил перед ними стакан с виски и бокал с прозрачным голубоватым коктейлем.

— Господин Кагэтора — это вы, — ответил Наоэ и взял свой стакан.

— Почему? Чем ты это докажешь?

— Вы призвали Бисямонтэна. Простым самовнушением этого не добиться. Только мы, Уэсуги, наделены изгоняющей силой — никому другому она неподвластна. И потом... — Наоэ опустил глаза к стакану с виски, — для себя я уже всё решил. Для меня Оги Такая и Уэсуги Кагэтора — одно и то же. Говоря вашими словами, даже если однажды появится кто-то и назовётся этим именем, я не признаю его своим господином.

— Как это можно решить?

— Вы дали мне шанс, — тихо сказал Наоэ, улыбнувшись, — шанс на новое начало, стере

прошлое из своей памяти. Вы подарили мне возможность исправить непоправимое. Мне не хочется её упускать. ...Шкурный интерес.

Такая слушал его с широко раскрытыми глазами.

— Очень простой шаг, если подумать. — Улыбка Наоэ сменилась горькой усмешкой. — Главное, чтобы вы помнили, кем я для вас был.

«Кто загнал его в угол, кто заставил отказаться от себя? Это ты, Наоэ!»

Голос Косаки ворвался в память. Тихо звякнули кубики льда в стакане с виски. Такая молча смотрел на профиль Наоэ, позолоченный пламенем свечи.

— Я это... почитал тут про Кэнсина и Кагэтору, — заговорил он спустя минуту-другую.

— Правда? И как впечатления?

— Не знаю... уж больно замороченный парень.

Жизненный путь Уэсуги Кагэторы, рождённого в эпоху Усобиц в семье военачальника из Сагами Ходзё Удзиясу, был и вправду тернист. Он появился на свет в то самое время, когда в Канто главенствовали три могущественных генерала: Ходзё Удзиясу, Такэда Сингэн и Уэсуги Кэнсин. Они то сражались друг с другом, то мирились — всё ради безграничного господства над раздробленной страной.

Ещё в ранней юности Сабуро Кагэтору отослали заложником к Такэде Сингэну, с которым кланы Ходзё и Имагава заключили тройственный союз. Когда этот союз распался, мальчика вернули, и он вошёл в семью своего двоюродного деда Ходзё Гэнана; но в 1569-м клан заручился поддержкой Уэсуги Кэнсина, и с началом следующего года Сабуро отправился заложником уже в Этиго.

Кэнсину юноша понравился: он нарёк его своим прежним именем — Кагэтора — и обращался не как с заложником, а как с приёмным сыном. Но после смерти генерала Кагэтора проиграл в борьбе за наследство второму приёмному сыну — Уэсуги Кагэацу — и покончил жизнь самоубийством. Ему было двадцать семь лет.

Печальный, но неудивительный для того времени итог. Прошедшая на фоне войны недолгая жизнь Кагэторы стала разменной монетой для трёх властителей Канто.

— После смуты Отатэ имя Уэсуги Кагэторы оказалось позабыто историей, но вас ждала другая миссия — её возложил на вас господин Кэнсин, бог войны. Он наделил вас особой силой и поручил изгонять духов, оставшихся здесь со времён Усобиц. Только ради этого мы до сих пор продолжаем жить.

— И сейчас духи затеяли новую войну? — спросил Такая, внимательно изучая лицо Наоэ.

Пальцы мужчины дёрнулись. Такая был прав, война началась снова, и имя ей было — Усобица Духов. Поверженные генералы былых времён, вооружённые лишь духовной энергией, восстали из мёртвых, чтобы всё в той же стране, но четырёхста лет спустя вновь помериться силами друг с другом. Они хотели переписать заново историю четырёхсотлетней давности и взять реванш за своё поражение.

Такая услышал обо всём этом лишь недавно, когда столкнулся с возродившимся Такэдой Сингэном. Тогда же он познакомился с Наоэ и узнал, что он — Уэсуги Кагэтора, один из его соратников.

Сингэна из тела Юзуру они, конечно, прогнали, но это была лишь прелюдия. Для Такаи знакомство с Усобицей Духов только начиналось — неудивительно, что он не всё ещё понимал.

— А что конкретно представляет собой эта Усобица? Ты говоришь, духи начали войну — но разве вы не истребляли их всё это время?

— Мы истребляем только тех духов, которые активно вредят людям. Скажем, духов-хранителей изгонять вообще не надо, а все те, что сейчас наводнили округу, ещё совсем недавно тихо покоились в земле, поэтому мы их не трогали.

— А сейчас они выбираются наружу и ведут себя агрессивно?

Наоэ кивнул.

— Не знаю, с чего именно всё началось, но, вероятно, здесь не обошлось без Оды Нобунаги.

— Оды Нобунаги? — поразился Такая. — Того самого?.. Он что, тоже стал мстительным духом?

— Мстительные духи по сравнению с ним — невинные младенцы, — ответил Наоэ, сцепив

руки поверх барной стойки. — Нобунага ещё при жизни пытался уподобиться богу и называл себя Повелителем Шестых Небес. После смерти он превратился в одержимого ненавистью дьявола, которому некоторые люди даже возносили тёмные молитвы. Он возродился в сорок пятом, — продолжил Наоэ, — в конце Второй мировой войны, когда Япония была выжженной землёй и вокруг царил хаос, чем Нобунага и его последователи не преминули воспользоваться, играя на людских слабостях и пороках, склоняя сердца ко злу.

Мы сочли своим долгом уничтожить Нобунагу, но битва эта растянулась на десять с лишним лет. Никогда ещё мы так жестоко ни с кем не схватывались — это была тотальная полномасштабная война, в итоге которой последователей культа Оды нам удалось разбить, но и от клана Уэсуги почти ничего не осталось. Мы с вами потеряли тела, Нобунага — хоть изгнать его и не получилось — тоже сильно пострадал, и наступило затишье. Это случилось примерно тридцать лет назад.

— А что потом? Его ребята ведь участвуют в Усобице Духов, как я понял.

— Участвуют, осторожно, но постоянно. Проявляется это не так заметно и разрушительно, как в случае с Сингэном, но духи-генералы под началом Мори Ранмару делают всё возможное, чтобы упрочить и расширить позиции Оды. Они обосновались в Токае. Но сам Нобунага активности сейчас не проявляет — видимо, всё ещё на «подзарядке», если можно так выразиться.

— А другие?

— Тохоку немного лихорадит, но в целом все затаились. Прослышали о возрождении Сингэна, наверное, и решили понаблюдать за обстановкой. Уж слишком серьёзный он противник.

— Хм-м, — протянул Такая и коротко вздохнул: — Вам, ребята, не позавидуешь. Одни против духов всей страны...

— Не говорите так, будто вас это не касается. Рано или поздно нам потребуется ваша мощь.

— Вас что, только двое? И больше никого?

— Пятеро перерождённых получили приказ господина Кэнсина, включая меня: Уэсуги Кагэтора, Какизаки Харуиэ, Наоэ Нобуцуна, Иробэ Кацунага и Ясуда Нагахидэ. Иробэ-сан служил ещё отцу господина Кэнсина, Нагао Тамэкагэ, и он единственный из нас, кто умер раньше самого господина Кэнсина. Но его последнее перерождение было только в позапрошлом году, поэтому он пока слишком мал, чтобы нам помогать.

— А пятый?

— Ясуда Нагахидэ? — Наоэ поднёс к губам стакан с виски. — Он тоже должен был переродиться пару лет назад, но мы не знаем, где он, потому что он не выходит на связь. Он довольно непредсказуемый парень: может без зазрения совести вселиться во взрослого или сбежать с поля боя. Так что я понятия не имею, чем он сейчас занят, и это очень некстати. Мы впятером-то еле справлялись.

— Он сильный?

— Второй после вас, если говорить о способностях. Но он при жизни был на стороне Кагэкацу, поэтому Харуиэ его до сих пор недолюбливает.

— Та девушка? Почему?

— Во время смуты Отатэ, той самой борьбы за наследство, она была одним из главных ваших соратников, и её убили люди Кагэкацу. Так что она их априори не жалует.

— А что насчёт тебя?

— Если я скажу, что был на вашей стороне, вас это обрадует? — Поймав сердитый взгляд юноши, Наоэ с улыбкой пригубил виски. — Увы, я сражался за Кагэкацу. Правда, похвастаться мне особо нечем: убили меня во время банального спора по поводу распределения военных наград.

Такая смотрел на Наоэ во все глаза — удивительный, если подумать, получался разговор, но кое-что его до сих пор смущало.

— Вы всё ещё не верите? — спросил Наоэ, почувствовав его замешательство.

— Верю... просто... — Такая на секунду задумался, — просто, если мы с тобой погибли в схватке с Одой тридцать лет назад, почему мы не ровесники? Мы же должны были переродиться одновременно?

— Думаю, вы один раз сменили тело в промежутке, отсюда и разница в возрасте.

Такая опустил глаза, его пальцы сжали предплечье. Этот процесс под названием «перерождение»...

— Мне вот что странно. Перерождаясь, вы забираетесь в чужие тела? Присваиваете их себе, а душу владельца выкидываете, верно?

— Верно.

— То есть, по сути, это не моё тело?

— ...Нет.

— И изначально, — Такая крепче вцепился в рукав, — в этом теле был кто-то другой по имени Оги Такая? Ещё один «я». Именно он должен был прожить эту жизнь.

— Такая-сан.

— По-твоему, это нормально? Я, получается, делаю с кем-то то же, что пытался сделать с моим другом Сингэн, — по-твоему, это правильно?!

— Иначе мы не смогли бы продолжать жить, — Наоэ смотрел на Такаю прояснившимся взглядом, — не смогли бы выполнять миссию.

— А как же прежний владелец? Вас совесть не мучает?

— А хищника мучает совесть, когда он убивает свою жертву? Он делает это, чтобы выжить, и мы тоже. У нас нет другого выхода.

— Что значит «нет выхода»? По-вашему, такой поступок можно оправдать миссией? Вы забираете чью-то жизнь — неужели вам даже не стыдно? Нет хоть какого-то чувства вины перед родителями, перед друзьями, которых вы обманываете?

— ...Но мы перерождаемся в плод. Когда у человека ещё не сформирована индивидуальность и нет социальных связей.

— Это ничего не оправдывает. Кто-то другой должен был стать настоящим Оги Такаей, быть на моём месте, общаться с моими друзьями, если б не я. Сплошной обман, это ваше перерождение! Это мошенничество, воровство и убийство — а вам хоть бы хны?!

Повисла пауза, а потом Наоэ сказал с каменным лицом:

— Вы вправду считаете, что мы об этом не думали?

Такая вздрогнул, но мужчина снова замолчал, опустив глаза к стакану с виски.

— Давайте закончим с этим, ни до чего хорошего мы на эту тему не договоримся.

В стакане звякнул кусочек льда. Такая взглядывался в профиль Наоэ, сидевшего с отстранённым видом. По залу разливалась грустная фортепьянная музыка, и слышалось мягкое шипение взбалтываемого в шейкере коктейля.

— Наоэ...

Мужчина молча повернулся к нему. Такая не отрываясь смотрел на столешницу.

— Да?

— Кем... — голос Такаи был еле слышен, — кем ты хочешь меня видеть?

Фортепьяно пело печальную сонату. Наоэ слегка прищурился.

— Оставайтесь собой, Такая-сан.

Пламя свечи, отражаясь от оконного стекла, вливалось в компанию неоновых огней города. Взглянув на этот маленький, дрожащий на фоне ночи огонёк, Такая молча закрыл глаза.

— Вы точно доберётесь сами? — Наоэ вышел проводить его до дверей гостиницы. Подняв воротник куртки, Такая посмотрел в ночное небо:

— Ты же не повезёшь меня на своём «мерседесе»? Поймаю такси у вокзала.

— Хорошо...

— Вообще я не понимаю, откуда в семье священника столько денег. Прихожан, что ли, собираете?

— Мой старший брат занимается недвижимостью.

— Монах-спекулянт? Всё с вами понятно.

— Такая-сан, — вновь окликнул его Наоэ, — вокруг вас в последнее время ничего странного не происходило?

— Странного? — задумался Такая и вдруг нахмурился: — Не знаю, скорее это у меня с головой не в порядке.

— Что? — Наоэ переменялся в лице.

— Да нет, я ещё не проверялся, так что ничего определённого.

И Такая рассказал ему про Чиаки и про свою предполагаемую потерю памяти. Наоэ дослушал рассказ до конца, и лицо его разгладилось.

— Вроде домового, только наоборот?

— Все уверены, что он всегда был, а я его совершенно не помню, и тем более не помню, чтобы мы дружили. Когда все вокруг говорят одно и то же, начинаешь в себе сомневаться, хотя я поклясться готов, что никогда его раньше не видел. Уже всю голову сломал. Не знаю, что и думать.

— Возможно, правы именно вы.

Такая посмотрел на него удивлённо, и Наоэ сказал:

— Я понял, это действительно странно. Завтра мы заглянем к вам в школу.

— Прав именно я? Что ты имеешь в виду?

— Возможно, вы единственный там сохранили трезвую голову. Не знаю пока, есть ли здесь взаимосвязь, — Наоэ бросил на Такаю пристальный взгляд, — но с вашей школой что-то определённо не так.

Тёплый ветер гулял по ночным мостовым спящего города. Череду странных событий уже началась.